

На наш народ не угодишь — сначала хотели свободы, а теперь все ждут заботы. В частности, забота о театрах в Тбилиси | выразилась в том, что на время зимних холодов всех сотрудников отпустили в долгосрочный отпуск. И столичные театры практически закрылись.

Академический театр имени К. Марджанишвили — тоже. Но здесь самые отчаянные, убоавшись дальнейших забот, решили действовать самостоятельно. Режиссер Мадзеа Кучулидзе, хрупкая, обаятельная женщина с железной волей, позволила себе не согласиться со смертью театра, хотя бы и временной. Да и труппа не хотела терять в слове «труппа» одно «п». И вопреки установленным правилам они начали репетировать.

Промерзший театр, и нет ничего — ни транспорта, чтобы добраться до него, ни электричества, ни декораций, ни костюмов. От прошлой жизни осталось немного: голый энтузиазм и голая сцена. Но и на голую сцену нашлись энтузиасты: просто так, из любви к искусству художник Гоги Алексидзе-Масхишвили разработал сценическое решение и подарил эскизы декораций. «За просто так» во время своего официального отпуска рабочие цехов, реквизиторы и костюмеры подбирали из запасников все подходящее. О костюмах заботились чаще сами актеры, что-то приносили из дома, что-то одалживали у знакомых.

И вот премьера. Это звучное слово подразумевало когда-то блеск зала, лож, вечерний туалетов. Но на блеск в Грузии теперь такой же дефицит, как на заботу. Фойе не обнаруживало никаких признаков фейерверка: довольствовались дневным светом, пробивавшимся в окна в два часа дня (самое театральное время, не правда ли?). Не наблюдалось и блеска туалетов — зрители в пальто и шапках. Режиссер-постановщик еще и в двойных варежках: холодовая аллергия пальцев — малопривлекательное зрелище.

Эдуард Швагидзе, присутствовавший на первой премьере, говорил, что всех участников спектакля пора представлять и званию Героя. Звезд Героев пока не видно, зато на сцене очевиден блеск настоящей большой звезды — Софики Чиаурели. Она не выходила на маржанишвилискую сцену почти пять лет. И вот ведущая, почти бенефисная роль.

К тому же — новая пьеса. Пьеса периода выживания. Она, естественно, о выживании. Автор ее Раваз Клдншвили, дебютант в драматургии, выплеснул в ней тяготы нашей жизни последних лет. А надежда? Она только в заголовке — «Сапоженела» (так в Грузии называется цветок, по поверью, он помогает обрести в жизни то, что человек ищет). Пьеса полна примет неуютного сегодняшнего и чуть вчерашнего быта с ночными очередями за хлебом и судным мением, с заторами в метро и уличными перестрелками. Все пережитое так обжигающе остро и узнаваемо.

Кучулидзе — 1995.
Капр. — С.С.

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

Но особое единение сцены и зала наступает в моменты отключения электричества. Одновременный выдох досады: «Э-эх», и голос Софики: «Это выключили наш десятый блок». Один раз это происходит по сюжету, а дальше — как повезет. На одном спектакле свет отключался четыре раза. Поразительная реакция зала: кое-где щелкают зажигалки, на сцене появляется переносной фонарь, актеры уходят за кулисы, а зрители молча и спокойно ждут продолжения, как будто оборвалась планка в кино.

А на сцене — потерянные, выбитые из привычной колеи

дурацким хвостиком из остатков волос (Михаил Гомизашвили). Она видит его наглость и цинизм, ей больно за дочь. Но так будет лучше, надеется мать. Ведь не она открыла принцип «жизнь выше морали».

Бытовая комедия на наших глазах разламывается и приобретает черты трагического гротеска. Режиссер вырывает действие из рамок реальности, окутывая его зыбкой, неустойчивой глупой кошмаром. Мечется дочерью Матико: злое лицо с заострившимися вдруг чертами. Больше не управляет собой Мама, наконец истерзанная матерью и собственной ущербностью, она давится,

люди, они пытаются и не могут приспособиться к новым обстоятельствам. Матико, героиня Чиаурели, еще не утратила былой активности и хватки. Как некогда устраивала она номенклатурную должность для мужа и напекла обставляла антиквариатом дом, так и сейчас из кожи вон лезет, чтобы пристроить дочь за богатого бизнесмена.

Матико — это стихийное бедствие, тайфун в национальном колорите. Мы с иронией наблюдаем за этим вулканическим извержением провинциализма, прикисности и изобретательности. Но постепенно зрительское высокомерие улетучивается. Актриса вольно или невольно передает героине масштаб своей личности, умудрившись выразить боль и неприкаянность целого поколения.

Трагедия существования подается на сцене в жанре комедии, характеры и ситуации заострены и несколько утрированы. Дочь Матико (Нино Кикабидзе) — безвольное, размазанное существо, тенью бродящее по дому. Муж (Ахакви Месаблишвили) — диванный телезритель. Взаимная и неприкаянная подруга (Мая Татишвили) — явное недоразумение в этой жизни, а брат (Гизо Сихарулидзе) — просто апофеоз неустойчивости. Лишь Матико среди них неутомима. Она нужна всем в этой семье. Женское кокетство, хитрость, лезть — все идет в ход, чтобы заполучить для дочери выгодного жениха. Ничего, что он окружен телохранителями с замашками уголовников, ничего, что он плюгавый и лысый, с

как заводная кукла. И протест этой девочки страшен: она вырывается из равнодушных рук жениха, нервно и долго расстегивает пуговицы закрытого платья, срывает его с себя и почти нагишом начинает дикий, иступленный танец на столе — вы все этого хотели от меня!

И параллельно наплывает легко прочитываемая пантомимическая цитата из другой эпохи с тем же сюжетом. Да, точно так уже было, и всего век назад. Драматург Давид Клдншвили рассказал об этом в пьесе «Незгоды Дариспана». А сейчас его потомок Раваз Клдншвили лишь напомнил нам, что в человеческой истории все повторяется с определенной периодичностью. Ему ли, ученому-химiku по профессии, не знать все о периодичности, и не только менделеевской системы!

Что ж, спасения от обстоятельств здесь не предвидится. Жизни — довольство — тоже. Но надо жить дальше. «У нас остались только терпение и надежда» — таков горький итог. Тихая, мудрая печаль, почти просветленная, слышится в голосе Матико — Чиаурели.

И мы понимаем: большие печали посылают человеку Бог. Чтобы испытать его душу. Выдержим ли мы сегодня это испытание?

Вера ЦЕРЕТЕЛИ.

● В роли Матико — Софики Чиаурели.

Фото Ю. Мачитова.